
Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 3—16
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.1

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 3—16
ББК 60.524.222.21
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.1

КАК МЫ УЗНАЕМ, ЧТО НАСТУПАЕТ ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО?

И. Е. Калабихина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru

Существует много индикаторов гендерного (не)равенства, но мы затрудняемся в определении показателей гендерного равенства, которые обозначали бы наступление эгалитарного общества. Подход 50:50 наивен. Опираясь на концепцию гендерного перехода как схему исторических этапов движения к гендерному равенству, автор предлагает ряд экономико-демографических признаков эгалитарного общества, помимо сокращения разрыва в затраченном времени супругов на ведение домашнего хозяйства и уход за членами домохозяйства, и подтверждает существование таких признаков, используя экономико-демографическую литературу, посвященную гендерному анализу рынка труда и демографического развития.

Ключевые слова: гендерный переход, гендерное равенство, разделение труда в домохозяйстве, эгалитарное общество, индикаторы, экономико-демографические признаки, гендерная история.

HOW DO WE KNOW WHETHER GENDER EQUALITY HAS ARRIVED?

I. E. Kalabikhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ikalabikhina@yandex.ru

There are many indicators of gender (in)equality, but we find it difficult to identify indicators of gender equality that would indicate the onset of an egalitarian society. Gender equality has been uneven in individual institutions (eg. the labor market and education) and family ones. The household lags behind individual institutions. The gender transition as one of the historical concepts of the stepwise development of gender equality predicts a stage of equality in both individual and household institutions. That is the last stage of gender transition. How can we measure the completeness of gender transition? How can we define the arrival of the last balanced egalitarian stage? We have simple indicator for the different stages of the gender transition. That is the gender gap in unpaid work. However, we do not know what the breaking point of this gap is when the egalitarian stage comes. 50:50 principle does not work here. I base on the concept of gender transition as a diagram of the historical stages of the movement towards gender equality and describe a number of economic and demographic features

of an egalitarian society in addition to reducing the gap between spouses in the time allocation in household. I develop a set of economic conditions from research evidences that can serve as indicators and signs of the egalitarian stage of gender transition. Some of them are following. 1. The economic rationality in the time allocation prevails over socio-cultural (gender) norm. 2. The relationship between the level of female employment (or women's income) and the level of fertility (or the stability of marriage) changes from a negative to a positive one. 3. The utility functions of household member include (egalitarian) gender relations. 4. The assortative mating in marriage markets is adapted to a new gender structure in all types of institutions. 5. The subjective well-being of women and men is positively associated with the level of gender equality in society; gender differences in the assessment of subjective well-being are not associated with a lack of gender equality. 6. The agency of women is based on the "power within" etc. 7. Maternity penalty and paternity bonus will disappear at the last stage of gender transition. In conclusion I state that the duration of the stages assessment, especially the duration of the second unbalanced stage, seems to matter.

Key words: gender transition, gender equality, time allocation in household, egalitarian society, indicators, economic and demographic factors, gender history.

Введение

Существует много индикаторов гендерного (не)равенства. Однако все они показывают текущее состояние неравенства или прогресс в той или иной области. Но мы не можем определить, как должны выглядеть показатели гендерного равенства, чтобы приход эгалитарного общества стал очевиден. Подход 50:50 наивен. Опираясь на концепцию гендерного перехода как схему исторических этапов движения к гендерному равенству, я предлагаю ряд экономико-демографических признаков эгалитарного общества, подтверждая существование таких признаков эмпирическими результатами, представленными в экономической литературе, посвященной гендерному анализу рынка труда и демографического развития.

Этапы гендерного перехода от патриархатного к эгалитарному обществу

Основные барьеры в распространении гендерного равенства лежат в экономической и социокультурной областях. Экономические барьеры — это неравное распределение времени между женщинами и мужчинами, затрачиваемого на ведение домашнего хозяйства и уход за членами домохозяйства. Социокультурные барьеры — это стереотипы, установки и нормы, которые отрицают возможность гендерного равенства в той или иной сфере.

Репродуктивный труд женщин в широком смысле этого понятия (труд, направленный на рождение и воспитание детей и ведение домашнего хозяйства) часто отождествляется с биологической функцией женщин — рождением детей. Это отождествление привело к формированию асимметрии в распределении неоплачиваемого домашнего труда¹, что в свою очередь влияло и влияет на гендерные разрывы на рынке труда, в политике, образовании.

¹ В данной статье я использую как синонимы термины «время на ведение домашнего хозяйства и уход за членами домохозяйства», «домашний труд», «время на домашний труд», «домохозяйственный труд», «домашняя работа». Репродуктивный труд в широком смысле — это рождение детей, их воспитание, уход за членами домохозяйства и ведение домохозяйства.

Границы репродуктивного труда, в котором может участвовать только женщина, значительно сузились в современном развитом мире. Однако объем репродуктивного труда, выполняемого женщинами, сегодня все еще гораздо больше, чем труд, затрачиваемый на рождение детей. Объем репродуктивного труда женщин, непередаваемого мужчинам — с точки зрения общества, связан не только с биологическими особенностями женщин, но и с существующими гендерными стереотипами в обществе.

Интересно, что решение гендерного вопроса в массовом масштабе, на государственном уровне началось в 1920-х гг. в России и в 1970-х гг. в развитых странах с общественных институтов (рынок труда, система образования, политика), а не с домохозяйственных. Хотя основная причина гендерного неравенства лежит именно в семейной сфере, где и выполняется репродуктивный труд. Борьба со стереотипами на рынке труда, в политических институтах, системе образования идет по сей день. Продвижение женщин в эти сферы жизнедеятельности также остается важным делом гендерной политики. Но при таком подходе мы лечим следствие, а не причину. Не умаляя важности продвижения женщин в рамках общественных институтов, следует обратить особое внимание на домохозяйственные институты. Справедливости ради надо сказать, что общественное содержание детей и поощрение работающих матерей существовало с ранних лет советской эмансипации женщин. Однако приоритетной политикой решения детского вопроса не была. Вспомогательные меры по созданию ясельных групп и детских садов для работающих матерей сопровождали программы вовлечения женщин в общественное производство в условиях сокращения мужской рабочей силы вследствие войн и революций первой половины XX в. Вопрос же привлечения мужчин к ведению домашнего хозяйства и уходу за членами домохозяйства вообще серьезно не ставился в советский период эмансипации женщин. Сегодня становится понятно, что, пока не будет решен вопрос о справедливом участии членов семьи в домашнем хозяйстве, мы не можем говорить о свершившемся гендерном переходе.

Наиболее чувствительным к гендерному равенству является репродуктивное поведение. Можно сказать, что уровень рождаемости служит лакмусовой бумажкой не только при диагностике гендерного равенства, но и при диагностике определенного этапа гендерного перехода [Калабихина, 2009].

Смысл концепции гендерного перехода заключается в смене сбалансированных систем гендерных отношений через этап дисбаланса гендерного равенства в разных институтах. Сначала мы имеем патриархатный баланс, характеризующий жесткую специализацию в браке — «кормилец» и «хранительница очага». Репродуктивное поведение не зависит от гендерного неравенства, основными факторами рождаемости являются факторы семейного дохода, здоровья супругов, социокультурных норм, поддерживающих определенную модель патриархатной семьи. Оптимизация числа детей в семье происходит с учетом требуемого качества человеческого капитала детей разных сословий и страт и имеющихся ресурсов. На этой стадии нет напряжения в системе «семья — работа», гендерное неравенство не мешает воспроизводству населения, общество поддерживает патриархатную структуру и жесткое распределение ролей.

Мы можем также представить эгалитарный баланс, характеризующий гибкое и справедливое разделение оплачиваемого и неоплачиваемого труда

(на рынке труда и в домохозяйстве), когда решение о таком разделении принимается на основе индивидуальных и совместных траекторий супругов в семейных и общественных институтах, на основе оптимизации экономических параметров существования домохозяйства и отдельных его членов в контексте существующих репродуктивных установок. Гендерное неравенство не является фактором репродуктивного поведения. Рождаемость может зависеть от ресурсов домохозяйства, здоровья супругов и социокультурных норм, поддерживающих определенную модель эгалитарной семьи. На этой стадии также нет напряжения в системе «семья — работа», гендерное неравенство не мешает воспроизводству населения, общество поддерживает эгалитарную структуру во всех институтах, свободную смену ролей женщинами и мужчинами в течение их жизни.

Однако между этими сбалансированными стадиями существует стадия дисбаланса, когда гендерное равенство неравномерно распределено в общественных и домохозяйственных институтах. Женщины выходят на рынок труда. Но развитие гендерного равенства в домохозяйстве отстает от развития гендерного равенства на рынке труда и в системе образования. Женщина должна выполнять обе функции — работать на рынке труда и осуществлять репродуктивный труд в широком смысле этого понятия. В сутках 24 часа, ресурс времени ограничен и не возобновляется. Женщина вынуждена делать выбор — либо рожать детей, либо работать. Значит, такая стадия дисбаланса приводит к негативным демографическим последствиям — к сверхнизкой рождаемости². Репродуктивное поведение зависит от гендерного неравенства.

В классической теории новой экономики домохозяйства Г. Беккера [Becker, 1960; Becker et al., 1990] и теории распределения времени Р. Гронау [Gronau, 1977] описывается обратная связь между гендерным равенством (т. е. относительно высоким уровнем образования, работы и дохода женщин) и рождением детей. Эмпирические исследования XX в. также свидетельствовали об обратной связи между рождаемостью, устойчивостью брака и гендерным равенством. Относительно высокий уровень занятости, дохода или образования женщин соответствовал низкому уровню рождаемости [Schultz, 1985; Galor, Weil, 1996; Kalwij, 1999; Siegel, 2012]; эта аксиома проверяется и в поздних работах [Nisén et al., 2021].

Но вывод об отрицательной связи гендерного равенства и рождаемости не совсем точен, потому что гендерное равенство понимается однобоко — как равенство на рынке труда и в системе образования, т. е. равенство в общественных институтах. Взаимосвязь гендерного равенства и демографических процессов сложнее. Оказалось, что равенства было не слишком много, а все еще мало, поэтому рождаемость упала до сверхнизкого уровня. Даже при высоком уровне занятости женщин равенства может не хватать. Если учитывать уровень равенства и в домохозяйстве, то связь между гендерным равенством и уровнем рождаемости переворачивается. Больше равенства — выше уровень рождаемости.

² Концепция гендерного перехода охватывает вопросы не только рождаемости, но и смертности (например, еще одно демографическое последствие разбалансированной стадии гендерного перехода — рост разрыва в ожидаемой продолжительности жизни по полу), миграции [Калабихина, 2009] и другие демографические процессы. Но в данном контексте я рассматриваю только процесс рождаемости — как основу конфликта в системе «семья — работа» на второй стадии гендерного перехода.

Концепция гендерного перехода раскрывает этот «парадокс» и предсказывает будущее в формировании семьи³.

В период демографического перехода аксиома обратной связи часто использовалась в программах планирования семьи для снижения рождаемости во имя улучшения показателей социально-экономического развития в развивающемся мире [Schultz, 1969]. Однако в обществах, где завершился демографический переход, снижение рождаемости уже не представляется благом для развития. Некоторые страны проводят достаточно активную пронаталистскую демографическую политику (например, Россия), некоторые считают низкую и сверхнизкую рождаемость нежелательной и включают в семейную политику пронаталистские элементы (например, Франция). При этом вопрос о связи гендерного равенства и рождаемости становится ключевым, поскольку гендерное равенство достаточно успешно распространяется в постпереходных странах. Второй демографический переход [Van De Каа, 1987], с его утверждением роста значимости ценностей индивидуализма и саморазвития, созвучен концепциям гендерного преобразования общества и гендерного равенства.

Возможно ли одновременное увеличение уровня рождаемости и усиление гендерного равенства? Первым на этот вопрос утвердительно ответил Дж. Шене [Chesnaïs, 1996]. Он пишет о феминистском парадоксе, когда пронаталисты идут рука об руку с феминистами. П. Макдональд видит причину сверхнизкой рождаемости в дисбалансе гендерного равенства в общественных и домохозяйственных институтах (он называет их индивидуальными и семейными) [McDonald, 2000]. Основываясь на этих идеях, я предложила концепцию гендерного перехода о смене сбалансированных систем гендерных отношений (от патриархата к эгалитарному обществу) через этап дисбаланса гендерного равенства в разных институтах, предполагая наличие такой стадии гендерного перехода, которая приведет к положительной связи между гендерным равенством и рождаемостью вслед за распространением гендерного равенства в семье [Калабихина, 2009].

Эмпирически положительная связь гендерного равенства и рождаемости в современных развитых обществах также начала выявляться все чаще [Rindfuss et al., 2003; Da Rocha, Fuster, 2006; Myrskylä et al., 2011; Lacalle-Calderon et al., 2017; Zhou, Kan, 2019]. Хотя устойчивость этой положительной связи некоторыми авторами ставится под сомнение в историческом разрезе (но не в кросс-культурном разрезе) [Kolk, 2019], следует заметить, что способ измерения гендерного равенства (изменение политических свобод и участия женщин в политике) может влиять на результат. Положительная связь «гендерное равенство — рождаемость» может быть слабее при принятии решения о рождении третьего ребенка и сильной при рождении второго ребенка [Duvander et al., 2019], но теоретическая аксиома об отрицательной связи гендерного равенства и рождаемости разрушена окончательно.

Получается, что решение демографического вопроса в рамках пронаталистской политики возможно при повышении уровня гендерного равенства, хотя ранее мы отмечали обратную связь между гендерным равенством и уровнем рождаемости. Неслучайно демографический успех семейной политики в европейских странах

³ В эгалитарной семье снижается и уровень конфликтов [Marks et al., 2009].

базируется на ядре такой семейной политики — улучшении баланса «семья — работа», «жизнь — работа» [Oláh, 2003; Gauthier, 2007; Olivetti, Petrongolo, 2017]⁴.

Демографический результат на разных стадиях гендерного перехода следующий. Уровень рождаемости сначала падает до очень низких значений (в Южной Корее, например, в 2019 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР) упал ниже 1, поскольку традиционные общественные нормы пришли в противоречие с возросшим уровнем занятости женщин [Seo, 2019]), а затем растет до уровня естественного воспроизводства с ростом гендерного равенства в домохозяйстве (СКР равен 2—2,1 в зависимости от уровня женской смертности). Каждая стадия гендерного перехода ассоциируется с рождаемостью высокой (I стадия), или низкой (II стадия), или рождаемостью на уровне простого воспроизводства (III стадия), которая, как правило, соответствует желаемому уровню рождаемости.

Индикаторы и признаки эгалитарного общества

Теперь перейдем к самому сложному вопросу — о границах этапов гендерного перехода. В концепции гендерного перехода в качестве индикаторов его стадий используются относительные показатели — гендерное отношение уровней занятости, образования, затрат времени на домохозяйственный труд, а также абсолютные показатели — объемы времени, затрачиваемые женщинами на ведение домашнего хозяйства и уход за близкими.

Специализация в браке («кормилец» и «хранительница») определяет *первую стадию гендерного перехода* (или предпереходное состояние). Гендерные разрывы всех показателей велики (в первую очередь, разрыв в участии на рынке труда и в неоплачиваемом домашнем труде).

Вторая разбалансированная *стадия* гендерного перехода тоже определяется довольно простым набором индикаторов. Гендерные разрывы в уровне занятости и образования невелики, в распределении домохозяйственного труда — велики. Чем уже разрыв в уровне занятости и уровне образования, тем увереннее мы можем говорить о наступлении такой стадии. Уровень занятости женщин, как показала история XX в., значительно приблизился к уровню занятости мужчин. Могут быть разные формы и режимы занятости, сохраняется проблема гендерного разрыва в оплате труда, но уровень женской занятости стал высоким на этой стадии. Поскольку мы говорим о времени как об экономическом ресурсе, нам важен именно этот показатель — время, потраченное на оплачиваемый труд.

Уровень образования женщин на этой стадии, как правило, даже выше уровня образования мужчин. Во-первых, женщины должны «бежать быстрее», чтобы прийти к финишу вместе с мужчинами (т. е. должны формировать человеческий капитал больший, чем у мужчин, чтобы претендовать на те же позиции на рынке труда в условиях гендерных стереотипов и норм остаточного патриархата). Во-вторых, структура экономики меняется в направлении роста сектора услуг, в том числе высококвалифицированных услуг, и новые рабочие места требуют большего человеческого капитала в растущей экономике знаний.

⁴ Приведу здесь также ссылку на дебаты о том, стоит ли усиливать гендерную политику для роста уровня рождаемости и может ли такое давление повредить гендерному равенству: [Neuger, 2011].

Структурные сдвиги в экономике совпали с ростом женского участия на рынке труда, с выходом женщин на рынок труда.

Но границы *третьей стадии* — стадии нового эгалитарного баланса — определить не так легко. Возникают трудности и с определением «правильного» уровня участия мужчин и женщин в домашнем труде. Это связано с тем, что в репродуктивном труде есть часть, которая не может быть передана мужчинам, — рождение детей. Значит, абсолютного равенства быть не может. Где границы несокращаемого репродуктивного труда для женщин? Подход 50:50 здесь не работает, не говоря уже о том, что абсолютное равенство — это утопия и вредная политическая цель. Более того, сохранение выбора степени участия в той или иной сфере жизнедеятельности для членов домохозяйства важно для эгалитарного баланса. Рост гендерного равенства — это рост степени свободы выбора человеком своего жизненного пути. Женщины и мужчины в эгалитарном домохозяйстве выбирают объемы оплачиваемого и неоплачиваемого труда, оптимизируя параметры благосостояния домохозяйства и свои функции полезности в течение жизни. В идеале — в процессе переговоров об индивидуальных и совместных целях и ресурсных ограничениях в домохозяйстве.

Какие экономические, институциональные, демографические признаки могут быть использованы в качестве индикаторов наступления третьей стадии гендерного перехода, т. е. завершения гендерного перехода?

Назову 6 таких признаков, которые собраны на основе анализа экономической литературы, посвященной изучению гендерных факторов функционирования рынка труда, домохозяйства, демографического развития.

Первый признак: в распределении времени в домашнем хозяйстве преобладают экономические, а не социокультурные мотивы. Существуют экономические и социокультурные мотивы распределения труда в домашнем хозяйстве [Coltrane, 2000]. Экономическая рациональность видна в ситуации, когда время на неоплачиваемый домашний труд распределяется между партнерами в зависимости от уровня оплаты труда и загруженности каждого партнера на оплачиваемом рынке труда. Чем больше человек получает зарплату и чем больше работает на рынке труда, тем меньше трудится в домохозяйстве. Если социокультурные нормы преобладают над экономической рациональностью, то даже высокий уровень занятости женщины на рынке труда не освободит ее от домашних обязанностей и роли главного провайдера заботы, ухода и ведения домохозяйства. Свидетельства преобладания социокультурных норм в распределении времени над экономической рациональностью весьма многочисленны [Bittman et al., 2003; Onozaka, Hafzi, 2019]. В России, например, складывается переходная ситуация. В будние дни наблюдается экономическая рациональность в распределении времени на домашний труд (доход и занятость партнеров определяют их участие в домашнем труде). В выходные дни даже высокооплачиваемые женщины работают существенно больше своих мужчин в домашнем хозяйстве, компенсируя свою невыполненную в течение недели роль основного провайдера заботы в доме и ответственной за ведение домашнего хозяйства [Калабихина, Шайкенова, 2019]. Если экономическая рациональность побеждает в выходные и будние дни — общество находится на третьей стадии гендерного перехода.

Второй признак: характер связи между уровнем занятости женщин (или уровнем оплаты труда женщин) и рождаемостью (или стабильностью брака)

меняется с негативного на позитивный [Engelhardt, Prskawetz, 2004]. Мы упоминали уже, что в классических теоретических и эмпирических работах экономистов указанная связь имеет обратную зависимость. В условиях роста гендерного равенства в домашнем хозяйстве (третья стадия гендерного перехода) связь становится положительной.

Третий признак: функция полезности членов домохозяйства подразумевает эгалитарные гендерные отношения [Woolley, 1990; Mader, Schneebaum, 2013]. Специфический семейный капитал [Becker, 1991] формируется только в семье. Ряд товаров и услуг вы можете получить, только находясь в браке и проживая в семье. Состав семейного капитала может меняться. В гендерно-развитом обществе ценны эгалитарные отношения в семье. Соответственно эгалитарные отношения между партнерами включены в функцию полезности его членов. Наличие двух источников дохода (жены и мужа) может быть важным условием благополучия семьи и/или ее членов. (Замечу, что в гендерных экономических исследованиях редко рассматривается единая функция полезности домохозяйства, чаще — это набор функций полезности его членов, но в некоторых работах мы можем видеть унитарную функцию полезности домохозяйства [Qian, 2008].)

Четвертый признак: поиск партнера (the assortative mating) на брачном рынке также сопряжен с новой гендерной структурой и новыми эгалитарными гендерными отношениями во всех институтах [Van Bavel, Klesment, 2017]. Склонность к гендерному равенству становится хорошей характеристикой потенциального партнера.

Пятый признак: субъективное благополучие женщин и мужчин положительно связано с уровнем гендерного равенства в обществе, гендерные различия в оценке субъективного благополучия не связаны с недостатком гендерного равенства [Tesch-Römer et al., 2008; Audette et al., 2019]. Масштаб гендерных различий в субъективном благополучии варьируется в зависимости от степени гендерного неравенства в обществе и от культурных установок в отношении гендерного равенства в разных странах [Tesch-Römer et al., 2008].

Шестой признак: в моделях принятия решений в домохозяйстве становится важным учет агентности женщин, т. е. способности принимать решения, обладая при этом внутренней силой (power within), критическим сознанием, осознанием своих интересов, умением сделать самооценку и оценку причин гендерного неравенства (если оно имеет место быть в конкретной ситуации) [Rowlands, 1995; Kaabeer, 2005; O'Hara, Clement, 2018]. Например, в концепции «тихой революции», о которой пишет К. Голдин [Goldin, 2006], стадии изменений в гендерных отношениях на рынке труда различаются горизонтом планирования занятости, самоидентификацией на рынке труда, самостоятельностью и добровольностью решений о выходе на рынок труда. Этот пример может быть использован для понимания такого сложного феномена, как агентность.

Я предполагаю, что в перспективе возникнет еще один признак, который пока не фиксировался в эмпирических исследованиях. В настоящее время существует целый ряд работ, описывающих штраф за материнство [Viruykova, Makarentseva, 2017] и премию за отцовство на рынке труда [Ощепков, 2020]. Штраф за материнство — это временная потеря в доходах женщин после рождения ребенка или потеря в доходах женщин старших возрастов по причине рождения детей. Премия за отцовство может быть связана с тем, что, согласно

установившимся стереотипам, мужчинам, имеющим детей, следует повышать заработную плату, чтобы они могли кормить растущую семью. Кроме того, мужчины с семьей и с детьми ассоциируются с более надежными и ответственными работниками (повышение по службе, влекущее за собой увеличение оплаты труда, может быть связано с повышением доверия к мужчинам, ставшим отцами⁵). Я думаю, что в будущем (общество гендерного равенства) штрафы и премии за родительство перестанут быть значимыми.

Заключение и перспективы исследования

Кратко сформулирую признаки наступления гендерного равенства — третьей стадии гендерного перехода, помимо сокращения разрыва в затраченном времени супругов на ведение домашнего хозяйства и уход за членами домохозяйства. Преобладающими становятся экономические, а не социокультурные мотивы в распределении времени в домашнем хозяйстве; характер связи между уровнем занятости женщин (или уровнем оплаты труда женщин) и рождаемостью (или стабильностью брака) меняется с негативного на позитивный; функция полезности членов домохозяйства подразумевает эгалитарные гендерные отношения; поиск партнера на брачном рынке сопряжен с новой гендерной структурой и новыми эгалитарными гендерными отношениями во всех институтах; субъективное благополучие женщин и мужчин положительно связано с уровнем гендерного равенства в обществе, гендерные различия в оценке субъективного благополучия не связаны с недостатком гендерного равенства; в моделях принятия решений в домохозяйстве становится важным учет агентности женщин; возможно, исчезает штраф за материнство для женщин и премия за отцовство для мужчин.

В завершение размышлений об индикаторах измерения стадий гендерного перехода подчеркну, что в его процессе важно измерять не только признаки движения по стадиям перехода, но и длительность стадий, особенно длительность второй, разбалансированной стадии. В качестве исследовательской перспективы можно поставить вопрос о том, влияет ли длительность разбалансированной стадии гендерного перехода на степень негативных демографических последствий такого дисбаланса (например, на глубину или скорость падения рождаемости, степень неоднородности населения по числу рожденных детей, величину гендерного разрыва в ожидаемой продолжительности жизни). Напомню, что в России и странах ближнего зарубежья второй этап гендерного перехода начался в 1920—1930-х гг. XX в. и не завершён до настоящего времени. В западных странах второй этап начался только в 1970—1980-х гг. XX в., и в ряде стран он завершается на наших глазах (например, в странах Северной Европы). Вековая длительность разбалансированной стадии гендерного перехода, по сравнению с 40—50 годами дисбаланса, видимо, имеет значение.

Расширение списка признаков эгалитарного общества также является перспективной научной задачей.

⁵ Ассоциация бездетности с безответственностью существует не только на рынке труда при продвижении по службе (где нет официальных правил по этому поводу), но и в практике страхования. Например, назначение повышающего коэффициента бездетным людям при страховании автомобиля зафиксировано в правилах крупных страховых компаний в России.

Библиографический список

- Калабихина И. Е.* Гендерный переход и демографическое развитие // Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 2. С. 540—554. URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2009/Kalabikhina.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К.* Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 261—285.
- Ощепков А. Ю.* Отцы и дети: «премия» за отцовство на российском рынке труда // Экономический журнал ВШЭ. 2020. № 2. С. 157—190.
- Audette A. P., Lam S., O'Connor H., Radcliff B.* (E)Quality of life: a cross-national analysis of the effect of gender equality on life satisfaction // Journal of Happiness Studies. 2019. Vol. 20, № 7. P. 2173—2188.
- Becker G. S.* An economic analysis of fertility // Demographic and Economic Change in Developed Countries. Columbia University Press, 1960. P. 209—240.
- Becker G. S.* A Treatise on the Family. London; Cambridge: Harvard University Press, 1991. 424 p.
- Becker G. S., Murphy K. M., Tamura R.* Human capital, fertility, and economic growth // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98, № 5. Pt. 2. P. S12—S37.
- Biryukova S., Makarentseva A.* Estimates of the motherhood penalty in Russia // Population and Economics. 2017. Vol. 1, № 1. P. 50—70.
- Bittman M., England P., Sayer L., Folbre N., Matheson G.* When Does Gender Trump Money? Bargaining and Time in Household Work. 2003. URL: <https://ro.uow.edu.au/artspapers/85> (дата обращения: 10.03.2021).
- Chesnais J. C.* Fertility, family, and social policy in contemporary Western Europe // Population and Development Review. 1996. Vol. 22, № 4. P. 729—739.
- Coltrane S.* Research on household labor: modeling and measuring the social embeddedness of routine family work // Journal of Marriage and the Family. 2000. Vol. 62, № 4. P. 1208—1233.
- Da Rocha J. M., Fuster L.* Why are fertility rates and female employment ratios positively correlated across OECD countries? // International Economic Review. 2006. Vol. 47, № 4. P. 1187—1222.
- Duvander A.-Z., Lappegård T., Andersen S. N., Garðarsdóttir Ó., Neyer G., Viklund I.* Parental leave policies and continued childbearing in Iceland, Norway, and Sweden // Demographic Research. 2019. Vol. 40. P. 1501—1528.
- Engelhardt H., Prskawetz A.* On the changing correlation between fertility and female employment over space and time // European Journal of Population / Revue Européenne De Démographie. 2004. Vol. 20, № 1. P. 35—62.
- Galor O., Weil D. N.* The gender gap, fertility, and growth // American Economic Review. 1996. Vol. 86, № 3. P. 374—387.
- Gauthier A. H.* The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature // Population Research and Policy Review. 2007. Vol. 26, № 3. P. 323—346.
- Goldin C.* The quiet revolution that transformed women's employment, education, and family // AEA Papers and Proceedings. Ely Lecture. American Economic Association Meetings. Boston (MA), 2006. P. 1—21.
- Gronau R.* Leisure, home production, and work — the theory of the allocation of time revisited // The Journal of Political Economy. 1977. Vol. 85, № 6. P. 1099—1123. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0022-3808%28197712%2985%3A6%3C1099%3ALHPAWT%3E2.0.CO%3B2-4> (дата обращения: 10.03.2021).
- Kabeer N.* Gender equality and women's empowerment: a critical analysis of the third millennium development goal 1 // Gender & Development. 2005. Vol. 13, № 1. P. 13—24.

-
- Kalwij A. S.* Household Consumption, Female Employment and Fertility Decisions: a Microeconomic Analysis. Center for Economic Research, 1999.
- Kolk M.* Weak support for a U-shaped pattern between societal gender equality and fertility when comparing societies across time // *Demographic Research*. 2019. Vol. 40. P. 27—48.
- Lacalle-Calderon M., Perez-Trujillo M., Neira I.* Fertility and economic development: quantile regression evidence on the inverse J-shaped pattern // *European Journal of Population*. 2017. Vol. 33, № 1. P. 1—31.
- Mader K., Schneebaum A.* The Gendered Nature of Intra-Household Decision Making in and Across Europe / WU, Department of Economics. 2013. Working Paper № 15. URL: <https://epub.wu.ac.at/3995/1/wp157.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
- Marks J., Bun L. C., McHale S. M.* Family Patterns of Gender Role Attitudes // *Sex Roles*. 2009. Vol. 61, № 3—4. P. 221—234.
- McDonald P.* Gender equity in theories of fertility transition // *Population and Development Review*. 2000. Vol. 26, № 3. P. 427—439.
- Myrskylä M., Kohler H. P., Billari F.* High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link / MPIDR. 2011. October. Working Paper 2011-017. URL: https://www.researchgate.net/publication/254404965_High_Development_and_Fertility_Fertility_at_Older_Reproductive_Ages_and_Gender_Equality_Explains_the_Positive_Link (дата обращения: 10.03.2021).
- Neyer G.* Should governments in Europe be more aggressive in pushing for gender equality to raise fertility? The second “NO” // *Demographic Research*. 2011. Vol. 24. P. 225—250.
- Nisén J., Klüsener S., Dahlberg J. et al.* Educational differences in cohort fertility across sub-national regions in Europe // *European Journal of Population*. 2021. Vol. 37. P. 263—295.
- O’Hara C., Clement F.* Power as agency: a critical reflection on the measurement of women’s empowerment in the development sector // *World Development*. 2018. Vol. 106. P. 111—123.
- Oláh L. S.* Gendering fertility: second births in Sweden and Hungary // *Population Research and Policy Review*. 2003. Vol. 22, № 2. P. 171—200.
- Olivetti C., Petrongolo B.* The economic consequences of family policies: lessons from a century of legislation in high-income countries // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31. P. 205—230.
- Onozaka Y., Hafzi K.* Household production in an egalitarian society // *Social Forces*. 2019. Vol. 97, iss. 3. P. 1127—1154.
- Qian N.* Missing women and the price of tea in China: the effect of sex-specific earnings on sex imbalance // *Quarterly Journal of Economics*. 2008. Vol. 123, № 3. P. 1251—1285.
- Rindfuss R., Guzzo K., Morgan S.* The changing institutional context of low fertility // *Population Research and Policy Review*. 2003. Vol. 22, № 5—6. P. 411—438.
- Rowlands J.* Empowerment examined (“Empowerment” à l’examen / Exame do controle do poder / Examinando el apoderamiento (empowerment)) // *Development in Practice*. 1995. Vol. 5, № 2. P. 101—107. URL: <http://www.jstor.org/stable/4028929> (дата обращения: 10.03.2021).
- Schultz T. P.* An economic model of family planning and fertility // *Journal of Political Economy*. 1969. Vol. 77, № 2.
- Schultz T. P.* Changing world prices, women’s wages, and the fertility transition: Sweden, 1860—1910 // *Journal of Political Economy*. 1985. Vol. 93, № 6. P. 1126—1154.
- Seo S. H.* Low fertility trend in the Republic of Korea and the problems of its family and demographic policy implementation // *Population and Economics*. 2019. Vol. 3. P. 29—35.
- Siegel C.* Female employment and fertility — the effects of rising female wages // *CEP Discussion Papers dp1156*. Centre for Economic Performance, LSE, 2012.
- Tesch-Römer C., Motel-Klingebiel A., Tomasik M. J.* Gender differences in subjective well-being: comparing societies with respect to gender equality // *Social Indicators Research*. 2008. Vol. 85. P. 329—349.

- Van Bavel J., Klesment M. Educational pairings, motherhood, and women's relative earnings in Europe // *Demography*. 2017. Vol. 54. P. 2331—2349.
- Van De Kaa D. J. Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42, № 1. P. 1—59.
- Woolley R. F. Economic Models of Family Decision-Making, with Applications to Intergenerational Justice: a Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Economics at the London School of Economics. 1990. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/46517948.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
- Zhou M., Kan M. Y. A new family equilibrium? Changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991—2017 // *Demographic Research*. 2019. Vol. 40. P. 1455—1500.

References

- Audette, A. P., Lam, S., O'Connor, H., Radcliff, B. (2019) (E)Quality of life: A cross-national analysis of the effect of gender equality on life satisfaction, *Journal of Happiness Studies*, vol. 20, no. 7, pp. 2173—2188.
- Becker, G. S. (1960) An economic analysis of fertility, in: *Demographic and Economic Change in Developed Countries*, Columbia University Press, pp. 209—240.
- Becker, G. S. (1991) *A Treatise on the Family*, London, Cambridge: Harvard University Press.
- Becker, G. S., Murphy, K. M., Tamura, R. (1990) Human capital, fertility, and economic growth, *Journal of Political Economy*, vol. 98, no. 5, pt. 2, pp. S12—S37.
- Biriukova, S., Makarentseva, A. (2017) Estimates of the motherhood penalty in Russia, *Population and Economics*, vol. 1, no. 1, pp. 50—70.
- Bittman, M., England, P., Sayer, L., Folbre, N., Matheson, G. (2003) *When Does Gender Trump Money? Bargaining and Time in Household Work*, available from <https://ro.uow.edu.au/artspapers/85> (accessed 10.03.2021).
- Chesnais, J. C. (1996) Fertility, family, and social policy in contemporary Western Europe, *Population and Development Review*, vol. 22, no. 4, pp. 729—739.
- Coltrane, S. (2000) Research on household labor: Modeling and measuring the social embeddedness of routine family work, *Journal of Marriage and the Family*, vol. 62, no. 4, pp. 1208—1233.
- Da Rocha, J. M., Fuster, L. (2006) Why are fertility rates and female employment ratios positively correlated across OECD countries?, *International Economic Review*, vol. 47, no. 4, pp. 1187—1222.
- Duvander, A.-Z., Lappegård, T., Andersen, S. N., Gardarsdóttir, Ó., Neyer, G., Viklund, I. (2019) Parental leave policies and continued childbearing in Iceland, Norway, and Sweden, *Demographic Research*, vol. 40, pp. 1501—1528.
- Engelhardt, H., Prskawetz, A. (2004) On the changing correlation between fertility and female employment over space and time, *European Journal of Population / Revue Européenne De Démographie*, vol. 20, no. 1, pp. 35—62.
- Galor, O., Weil, D. (1996) The gender gap, fertility, and growth, *American Economic Review*, vol. 86, no. 3, pp. 374—387.
- Gauthier, A. H. (2007) The impact of family policies on fertility in industrialized countries: A review of the literature, *Population Research and Policy Review*, vol. 26, no. 3, pp. 323—346.
- Goldin, C. (2006) The quiet revolution that transformed women's employment, education, and family, in: *AEA Papers and Proceedings*, Ely Lecture, American Economic Association Meetings, Boston, MA, pp. 1—21.

- Gronau, R. (1977) Leisure, home production, and work — the theory of the allocation of time revisited, *The Journal of Political Economy*, vol. 85, no. 6, pp. 1099—1123, available from <http://links.jstor.org/sici?sici=0022-3808%28197712%2985%3A6%3C1099%3ALHPAWT%3E2.0.CO%3B2-4> (accessed 10.03.2021).
- Kabeer, N. (2005) Gender equality and women's empowerment: A critical analysis of the third millennium development goal 1, *Gender & Development*, vol. 13, no. 1, pp. 13—24.
- Kalabikhina, I. E. (2009) Gendernyi perekhod i demograficheskoe razvitiye [Gender transition and demographic development], *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal*, no. 2, pp. 540—554, available from <http://www.e-rej.ru/Articles/2009/Kalabikhina.pdf> (accessed 10.03.2021).
- Kalabikhina, I. E., Shaikenova, Zh. K. (2019) Zatraty vremeni na domashniuiu rabotu: determinanty gendernogo neravenstva [Time spent for household work: the determinants of gender inequality], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 261—285.
- Kalwij, A. S. (1999) *Household Consumption, Female Employment and Fertility Decisions: A Microeconomic Analysis*, Center for Economic Research.
- Kolk, M. (2019) Weak support for a U-shaped pattern between societal gender equality and fertility when comparing societies across time, *Demographic Research*, vol. 40, pp. 27—48.
- Lacalle-Calderon, M., Perez-Trujillo, M., Neira, I. (2017) Fertility and economic development: Quantile regression evidence on the inverse J-shaped pattern, *European Journal of Population*, vol. 33, no. 1, pp. 1—31.
- Mader, K., Schneebaum, A. (2013) *The Gendered Nature of Intra-Household Decision Making in and Across Europe*, WU, Department of Economics, Working Paper no. 15, available from <https://epub.wu.ac.at/3995/1/wp157.pdf> (accessed 10.03.2021).
- Marks, J., Bun, L. C., McHale, S. M. (2009) Family Patterns of Gender Role Attitudes, *Sex Roles*, vol. 61, no. 3—4, pp. 221—234.
- McDonald, P. (2000) Gender equity in theories of fertility transition, *Population and Development Review*, vol. 26, no. 3, pp. 427—439.
- Myrskylä, M., Kohler, H. P., Billari, F. (2011) High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link, MPIDR, Working Paper 2011-017, October, available from https://www.researchgate.net/publication/254404965_High_Development_and_Fertility_Fertility_at_Older_Reproductive_Ages_and_Gender_Equality_Explains_the_Positive_Link (accessed 10.03.2021).
- Neyer, G. (2011) Should governments in Europe be more aggressive in pushing for gender equality to raise fertility? The second “NO”, *Demographic Research*, vol. 24, pp. 225—250.
- Nisén, J., Klüsener, S., Dahlberg, J. et al. (2021) Educational differences in cohort fertility across sub-national regions in Europe, *European Journal Population*, vol. 37, pp. 263—295.
- O'Hara, C., Clement, F. (2018) Power as agency: A critical reflection on the measurement of women's empowerment in the development sector, *World Development*, vol. 106, pp. 111—123.
- Oláh, L. S. (2003) Gendering fertility: Second births in Sweden and Hungary, *Population Research and Policy Review*, vol. 22, no. 2, pp. 171—200.
- Olivetti, C., Petrongolo, B. (2017) The economic consequences of family policies: Lessons from a century of legislation in high-income countries, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 31, pp. 205—230.
- Onozaka, Y., Hafzi, K. (2019) Household production in an egalitarian society, *Social Forces*, vol. 97, iss. 3, pp. 1127—1154.
- Oshchepkov, A. Ju. (2020) Ottsy i deti: “premiia” za ottsovstvo na rossiiskom rynke truda [Fathers and children: The fatherhood receives “Premium” in Russia], *Ekonomicheskii zhurnal Vyssheĭ shkoly ekonomiki*, no. 2, pp. 157—190.

- Qian, N. (2008) Missing women and the price of tea in China: The effect of sex-specific earnings on sex imbalance, *Quarterly Journal of Economics*, vol. 123, no. 3, pp. 1251—1285.
- Rindfuss, R., Guzzo, K., Morgan, S. (2003) The changing institutional context of low fertility, *Population Research and Policy Review*, vol. 22, no. 5—6, pp. 411—438.
- Rowlands, J. (1995) Empowerment examined (“Empowerment” à l’examen / Exame do controle do poder / Examinando el apoderamiento (empowerment)), *Development in Practice*, vol. 5, no. 2, pp. 101—107, available from <http://www.jstor.org/stable/4028929> (accessed 10.03.2021).
- Schultz, T. P. (1969) An economic model of family planning and fertility, *Journal of Political Economy*, vol. 77, no. 2.
- Schultz, T. P. (1985) Changing world prices, women’s wages, and the fertility transition: Sweden, 1860—1910, *Journal of Political Economy*, vol. 93, no. 6, pp. 1126—1154.
- Seo, S. H. (2019) Low fertility trend in the Republic of Korea and the problems of its family and demographic policy implementation, *Population and Economics*, vol. 3, pp. 29—35.
- Siegel, Ch. (2012) Female employment and fertility — the effects of rising female wages, in: *CEP Discussion Papers*, dp1156, Centre for Economic Performance, LSE.
- Tesch-Römer, C., Motel-Klingebiel, A., Tomasik, M. J. (2008) Gender differences in subjective well-being: Comparing societies with respect to gender equality, *Social Indicator Research*, vol. 85, pp. 329—349.
- Van Bavel, J., Klesment, M. (2017) Educational pairings, motherhood, and women’s relative earnings in Europe, *Demography*, vol. 54, pp. 2331—2349.
- Van De Kaa, D. J. (1987) Europe’s second demographic transition, *Population Bulletin*, vol. 42, no. 1, pp. 1—59.
- Woolley, R. F. (1990) *Economic Models of Family Decision-Making, with Applications to Intergenerational Justice: A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Economics at the London School of Economics*, available from <https://core.ac.uk/download/pdf/46517948.pdf> (accessed 10.03.2021).
- Zhou, M., Kan, M. Y. (2019) A new family equilibrium? Changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991—2017, *Demographic Research*, vol. 40, pp. 1455—1500.

Статья поступила 02.04.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Калабихина Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).